

Дневник Елены Семёновны

Литература

Ашаева Т.М.

9 класс, МАОУ "Многопрофильный лицей № 11", г. Казань

*Научный руководитель: Осипанова Н.Г., учитель русского языка и литературы
высшей квалификационной категории, МАОУ "Многопрофильный лицей № 11", г.
Казань*

Эта история произошла со мной в детстве. Сейчас я уже взрослая, но до сих пор вспоминаю её со слезами на глазах.

Мама получила новую работу. Всея нашей семье: маме, мне и младшему брату – пришлось переехать в Санкт-Петербург в небольшой потрепанный домишко, который находился на Суворовском проспекте. Это трехэтажное здание ничем не отличалось от других. Стены были покрыты мелкими трещинами, которые явно никто не собирался закрашивать свежей краской. Окна в некоторых местах были разбиты, а ставни уже не спасали от морозных ночей.

Мне этот переезд дался очень трудно. Пришлось оставить уютные стены, моих друзей и одноклассников, а самое главное, я боялась утратить теплые воспоминания, связанные с моим настоящим домом. Оказавшись среди чужих старых стен и чувствуя запах клея, я ощущала себя не в своей тарелке. Мне хотелось забыться и бежать из этого проклятого места.

Кажется, мама заметила мою тоску. Ведь я часто закрывала глаза, полные слез, мои губы надувались от обиды, а нос невольно дергался от негодования. Тогда мама взяла меня за руку и повела в комнату, где указала на единственную коробку, стоящую по середине комнаты.

Скрестив ноги, я села возле неё и прочла вслух:

-1941 год.

С удивлением взглянула на маму, которая молча наблюдала за мной в дверном проёме, но она лишь кивнула головой и ушла, оставив меня одну со своими мыслями и старой одинокой коробкой.

Внутри лежал большой кожаный блокнот в переплете, а на первой странице красовались чьи-то инициалы:

-Меньшова Елена Семёновна.

Это был дневник.

Всё остальное пространство коробки было заполнено различными письмами. За свою жизнь я никогда не видела столько разных и не похожих друг на друга посланий. Они были разных размеров, форм, написаны разными ручками и на разной бумаге. Но самыми красивыми мне показались письма, которые были сложены в виде треугольничков, они напомнили мне военные пилотки.

Я открыла дневник на первой попавшейся странице и пробежала глазами по листку бумаги:

"Я, Меньшова Елена Семёновна, родилась в 1925 году. Наша семья жила в Ленинграде на Суворовском проспекте 58, напротив Николаевского госпиталя. Дома у нас никаких запасов не хранилось, жили скромно, от полочки до полочки. Моя мама работала на швейной фабрике имени Володарского.
-22 июня 12.00 часов.

Объявление по радио - началась война.

Мама сразу меня устроила в «ФЗУ» (фабрично-заводское училище). К тому времени все работавшие в Ленинграде производства работали только для фронта. Мы шили солдатские шинели, кители для моряков и тёплые ватники. Часто я видела раненых, которых везли в Научный институт - в его здании сейчас расположен госпиталь.

Утром солнце светило ярче, чем когда-либо, а его лучи грели мне щеки. В тот день я ходила к школьной подруге на Таврическую.
-2 часа дня.

Начался налёт. Немцы в последнее время стали бомбить всё больше: школы, институты, а в них же были, в основном, госпитали. Они сбрасывали вперемешку фугасные и зажигательные бомбы. В этот раз от попадания фугасной бомбы вся середина здания провалилась и начался пожар. Тревога закончилась. Иду и вижу, как уцелевшие при взрыве раненые в окровавленных бинтах выпрыгивают из окон на асфальт. Помогают спасать раненых девушки из отряда «МПВО» (местная противовоздушная оборона), находившегося на улице Смольного 3, и пожарный полк, тоже состоявший в основном из женщин. Помню: стояла пожарная машина, и весь Суворовский был в воде, потому что дом тушили.

-Декабрь.

С наступлением холодов начался голод, электроэнергию отключили, и трамваи, где ехали, там и остановились. Пришлось ходить на фабрику пешком. Это примерно шесть километров: утром туда и столько же вечером обратно. А однажды, окончательно устав от всего этого, написала заявление и уволилась по собственному желанию.

Примерно месяц я нигде не работала. Всех таких, как я, заставляли заниматься общественными работами - убирать город и дежурить. А однажды помню зашла в булочную, которая была напротив госпиталя, можно сказать в подвале. Там я обычно стояла в очередях за хлебом. Выхожу из булочной, и какой-то мальчишка вцепился в мой хлеб, завязалась борьба. Но женщины помогли, и мне удалось вывернуться и хлеб сохранить. А были известны случаи, что хлеб буквально вырывали из рук, обрекая несчастных на верную смерть.

Водопровод не работал, и я, как и все мои еще живые соседи, ходила с саночками на Неву за водой. С берега надо было съехать. Садись и съезжаешь на лёд. Там проруби. Дорога обратно по заснеженным мертвым улицам заставляла терять последние силы. Потом воду надо было поднять на этаж: четвёртый, шестой...

Вода расплескивалась - лестницы покрывались слоем льда. Поэтому подниматься по ним не было никакой возможности, и люди ползли, карабкались, как какие-то доисторические животные. Казалось, так будет всегда.

-Всё тот же декабрь.

От голода умер папа. Мама наняла соседа сколотить из фанеры гроб и помочь отвезти папу на Охтинское кладбище. Свезли на Охту, но там даже тех, кто был в гробу, всё равно сбрасывали в общие могилы. С соседом расплатились хлебом, папина-то карточка осталась. Сосед, который делал гроб, через несколько дней тоже умер.

-Январь 1942 год.

Умерла бабушка..."

Я не смогла прочесть дальше ни строчки. Слезы медленно катились по моим щекам и капали прямо на страницы дневника. Тогда я пролистала чуть дальше и продолжила читать.

"Однажды на рынке мама познакомилась с женщиной, с такой доброй и милой улыбкой. Та ей и говорит:

-Пусть твоя дочь ко мне придет, я её на работу возьму.

Я и пришла. И она меня взяла в качестве почтальона. Моя мама всегда говорила: «Дочка, никогда не бегай с места на место. На одном месте и камушек обрастает». Я вольно или невольно сохранила в душе своей мамин завет. Знала бы мама, что я от почтальона до начальника почты 50 лет так и проработала. Премудростям этой профессии меня обучила Нина Михайловна Колесник. Она мне показала, кто где живет: здесь вот люди в подвале живут, а там - на чердаке. Везде люди жили, где только можно было жить. Помню её слова: «Вот, позвонишь в квартиру, тебе откроют и пропустят тебя на другую лестницу. Сокращай путь, чтобы не подниматься дважды по лестнице. Береги силы. Есть парадные и есть чёрные лестницы, и с каждой стороны живут люди. Письма опускай в прорезь

ящиков, расположенных на дверях квартир, а если письмо заказное, то звони в квартиру".

Но во время войны заказных было мало. Бывало, квартира закрыта и соседи говорят, что там никто не живёт, например, уехали, а письма всё туда идут.

Так вот, газет и журналов выходило мало, а почты было много. Письма и похоронки.

Сначала писали текст письма, потом листок складывался в треугольник, и по верху надписывался адрес. И похоронки, похоронки. Сама всякий раз плакала от осознания того, что человеку похоронку надо вручать. Почтальон и горе, и радость нёс. Его и боялись, и радовались его появлению".

Я оторвалась от чтения и заглянула в коробку. И правда на каждом из письмом был адрес, но от этого мне стало не по себе, и я продолжила читать, чтобы хоть как-то отвлечься от тяжёлых мыслей.

"Женщины писем ждали больше всех, в окна всё смотрели да кричали почтальонам, спрашивая, нет ли для них письма. До сих пор помню женщину с Красной Конницы 3. квартира 51, Крутькова ее фамилия. Так она меня внизу, в парадной, всегда встречала.

А какие были морозы, таких после войны не было. Помню все ходили подпоясанные ремнём, чтобы холод по спине не поднимался и было потеплее. Всё были закутанные и запутанные платками - на улице минус 41 градус- и с чёрными лицами от печки - буржуйки, которая быстро нагревалась и также быстро остывала. В то время почтовые ящики висели на квартирных дверях, и почтальону приходилось подниматься по обледенелым лестницам. Шаг вперёд, а тебя тянет назад – лёд.

-Наконец весна.

Весной пошла зелень, но травы было мало, всю траву съели блокадники. Крапиву, лебеду - всё ели. Так мне запомнилось: иду по Тульскому переулку и вижу - посреди дороги сидит доставщица телеграмм и собирает что-то в рот.

Проехала, наверное, машина или телега; везли какое-то зерно и просыпали. А она увидела это, стала собирать эти зёрнышки и прямо в рот. Вот какой голод-то был.

-Середина марта.

За письмами мы тоже ходили сами, машин не было. Мешки были самые обыкновенные, примерно как сейчас сахарные, и набиты под завязку - много писем было. Как-то помню, несу мешок, и началась гроза, такая сильная. Дождик льёт, а туфельки у меня одни, так я их под мышку, мешок на спине, и иду - укрываться-то некогда.

В действительность меня вернул гулкий топот маленьких ножек. Это, торопясь, бежал по коридору ко мне младший брат. Он забежал в комнату и с интересом начал рассматривать коробку, которая стояла передо мной. Я показала ему письма и начала рассказывать о Елене Семёновне, о её трудной жизни и о том, что раньше она жила именно в этом самом доме, и о том, что она настоящий герой. Она приносила людям надежду, а это было самым важным во время блокады Ленинграда.

Я невольно перевела взгляд со своего любознательного брата и взглянула на стены дома. Теперь они не казались мне пугающими или уродливыми, ведь теперь я знала, что этому дому пришлось пережить. И была благодарна Елене Семёновне за её жизнь.